

Олег

ПРЯНИЧНИКОВ

Сборник

иронических,

юмористических

Вывод

18+

и сатирических

произведений

Олег Пряничников

Вывод (сборник)

«Издательские решения»

2015

Пряничников О. Е.

Вывод (сборник) / О. Е. Пряничников — «Издательские решения», 2015

Эта книжка – плод многолетнего труда. Очень надеюсь не только рассмешить читателя, но и заставить его немного подумать... о себе, об обществе, вообще о жизни, даже о смерти, чёрт возьми!

Содержание

Каков же вывод?	6
Стой! Кто идёт?!	8
Азартный Василий	9
Артистка огородная	10
Почитатели Вуду	11
В атобусе	12
Счастливого вам пути!	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вывод

Олег Пряничников

© Олег Пряничников, 2015

© Олег Пряничников, дизайн обложки, 2015

Редактор Олег Пряничников

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Каков же вывод?

*Ничего плохого в этом нет,
Что у Вас, мадам, в шкафу скелет:
Не у Вас одной с головкой швах —
Много их, скелетиков, в шкафах.*

О. Пряничников. «Забывчивая мадам»

Человеческая жизнь – вообще сложная штука, а в условиях России – еще и малопредсказуемая. Сегодня доллар – пятьдесят рублей, завтра – сто, а послезавтра – совсем наоборот. Не верите? Я тоже, но очень хочется. Из-за того, что «очень хочется», вся Россия залезла в долги по кредитам. С точки зрения количества кредитов, все стали жить, как граждане Америки и Европы – займы. Но, вот всё прочее – далеко не так, как в Европах: и зарплаты – не такие, и квартиры – не такие, и сыра пармезана на прилавках не стало. Одним словом – тяжело! А когда становится тяжело, что делает среднестатистический российский гражданин – плачет? Нет. Жалуется? Нет. Он начинает писать стихи и рассказы. Причем, если стихи – то про любовь, а если рассказы – то иронические и сатирико-юмористические.

Вот и ответил российский гражданин Олег Пряничников на всё ухудшающуюся экономическую ситуацию залпом рассказов под общим названием «Вывод». В книге собраны юмористические рассказы, авторские жизненные зарисовки и различные «смешинки» небольшого формата, ровно такого, чтобы, быстро прочитав, сначала улыбнуться и расслабиться, а потом – задуматься...

В книге нет общей сюжетной линии. Однако ясно просматривается жизненная позиция автора – адекватно воспринимать все неадекватные ситуации, возникающие в нашей своеобразной жизни. Она-то и объединяет все произведения единым настроением – весёлой иронией, позитивным настроением и, если хотите, терпеливой сопричастностью с жизненными коллизиями своих героев.

Смех и улыбки О. Пряничникова, положенные им в строки рассказов, это не тот смех и не те улыбки, к которым мы уже привыкли и притерпелись, просматривая телепередачи с участием маститых штатных юмористов и прочитывая юмористические рубрики в газетах и журналах. Автор, и это совершенно определено, обладает яркой индивидуальностью, его юмор своеобразен и неповторим. Неповторим потому, что авторские фразы и обороты речи могли возникнуть только в его голове в результате сугубо индивидуального взгляда на события, ситуации и на юмор...

*«До больницы был уверен —
Хуже нет фашизма.
Убежден в другом теперь я:
Хуже всего клизма!»*

Давайте все дружно поздравим нашу ненавязчивую медицину с таким объективным народным мнением.

На своих героев автор смотрит сквозь призму и лупу, не искажающие, а раскрывающие их суть: все эти пресловутые и общеизвестные «ваучеродеи», «психоловики», «работодатели», «бульдозеристы» – являются «ключевыми» словами, образующими причудливые по замыслу, но простые по форме тексты, словно «сфотографированные» в соседней булочной, в соседней квартире, в соседнем цехе, на соседнем клабище...

При всей оригинальности мини и микросюжетов, в них нет никакой вычурности. Даже самые фантастические из них, на самом деле, являются сугубо жизненными, а внешняя фантастическая атрибутика – только инструмент для раскрытия замысла рассказа и характеров действующих лиц, будь то незадачливый муж, играющий в «очко» с женой на мытьё посуды («Азартный Василий») или студент со студенткой, идущие к своей любви через сумасшедшую ненависть и дурацкую черную магию («Почитатели Вуду»); пассажиры битком набитого автобуса, стоящие в позе цапли («Счастливого вам пути!») или герой-летчик Вася, которого народ несет вместе с его самолетом сдавать в металлолом («Аварийная посадка») – героев в произведениях О. Пряничникова ровно столько, сколько населения в нашей бескрайней родной стране.

Автор не только и даже не столько развлекает и расслабляет читателя своими внешне забавными историями – выдуманными или реальными – но постепенно, втягивая в чтение, заставляет задуматься о том, что и его заставило начать писать: о нашей жизни, о наших людях, составляющих наш народ, о «прелестях» системы госуправления, о счастливых и о горьких моментах нашей жизни. И зачастую за смехом проглядывают слезы, ведь у России-матушки слезы всегда были рядом со смехом: мы и смеемся-то до слез.

Каков же вывод? Таков же, как и «Вывод»: перед нами вполне зрелый самобытный писатель-сатирик-юморист. Он вполне готов с позиции не стороннего наблюдателя, а глядя изнутри потока жизни, развлекаая, бичевать и выводить на всеобщее обозрение то, что мы «не замечаем», а порою тщательно скрываем: примитив мышления тех, кто принимает ответственные решения, пьяное бытие сермяжной массы обывателей, серость и беспросветность семейной жизни, бесцельность существования множества людей на стыке между «скончавшимся» развитым социализмом и недоразвитым диким капитализмом и... скелеты в наших шкафах.

Поэтому мне очень кажется, что ни один читатель не пожалеет о том, что приобрел «Выводы» и, прочитав, несомненно, сделает собственные, сугубо положительные, выводы и о книге, и об её авторе.

Борис Агеев

Стой! Кто идёт?!

Из нас никто не спал. Мы все дежурили-караулили. Поочередно.

В ночь на двадцать восьмое декабря дежурила тёща. Она забаррикадировалась в кухне табуретками и стойко простояла всю ночь у холодильника.

На утро в банке с чёрной икрой не хватало семь столовых ложек, с красной – четыре. Кабачковую бог миловал. Но от салями остался только хвостик.

– Я задремала всего на секундочку, а вы как последние диверсанты воспользовались этим, – возмущалась тёща.

– Да мы это. Мы конечно не спали. Минуты четыре. А потом как дети, – переглядывались я и жена виновато.

– А я вообще – ребёнок, – отрезал наш отпрыск девяти лет. – Поэтому всю ночь спал тоже как ребёнок, то-есть как младенец. Короче, без задних ног я спал, никуда не вставал.

В ночь на двадцать девятое декабря он дежурил – сын. Ведь рано утром в школу сорванцу, ан нет, вызвался караулить.

На кухне он включил дивиди, телевизор и лёг на табуретки, тем самым преградив путь к холодильнику.

На утро в коробке с конфетами-ассорти не хватало двенадцать конфет, в коробке с безе десять безешек, торт с красивой надписью С НОВЫМ ГОДОМ! был съеден наполовину.

– Как вы могли! – Возмущался с лицом, вымазанным шоколадным кремом сын. Я заснул всего лишь на секундочку, а вы, как последние сладкоежки!

– Да мы минут восемь не спали! А потом как дети! – вспыхнули мы с женой.

– Да-да. И я минут восемь, а потом мы все – хры-ы, – подтвердила наше алиби тёща, а заодно и себя оправдала.

В ночь на тридцатое декабря караулила холодильник жена. Ей простили всё, потому что из холодильника бесследно пропали только солёные огурцы (три литра) и баночка майонеза (литр).

В ночь на тридцать первое декабря я сказал им:

– Ничего не знаю, моя очередь охранять холодильник.

Все разошлись по комнатам подавленные, один я был в приподнятом настроении, которое сохранялось у меня всю ночь.

На утро я не возмущался. Я был не в силах.

Подсчитали убытки. Бутылка коньяка и бутылка водки опустели больше чем на половину. От копчённой горбуши остались одни горбики. От маринованных груздей, которые тёща берегла с лета, остались пустая двухлитровая банка и журнальная фотография знатока Друзя, которую тёща зачем-то наклеяла на банку.

Вечером тридцать первого декабря всем семейством мы собрались, чтобы проводить старый год. На столе было всё что было в холодильнике, а ещё мы наготовили оливье. В атмосфере царил некая напряжённость.

– Говорила я, не надо запасаться на Новый год заранее. Сейчас же в магазинах всё есть. Пошёл, купил, – проворчала жена.

– Ой ли! Ой ли! – парировала тёща. Сёдня есть, завтра нету. Опять же цены – сёдня одни, завтра другие. Знаем, проходили. И народищу в магазинах тридцать первого не протолкнуться.

Короче, как бы то ни было. потихоньку мы развеселились. А когда шампанское выстрелило под удары курантов, атмосфера разрядилась окончательно. Тут дед Мороз к нам пришёл пьяненький, сынок стих прочёл взрослый, я спел. В общем Новогодний праздник удался. И оливье хватило всем!

Азартный Василий

– Я чувствую, мне сегодня повезёт, – сказал Василий, садясь к столу.

На очаровательном личике девушки (она же крупье) застыла загадочная улыбка Джоконды.

Василий водрузил на стол стопку разноцветных фишек, снял несколько с верху и положил их возле крупье. Та блеснула глазками, две карты легли на стол, Василий открыл свою.

– Ещё, – востребовал он. После некоторого раздумья снова востребовал: – Ещё... Чёрт! Перебор! – он с досадой швырнул карты на стол.

– Казино выиграло, – ласково объявила девушка и также ласково спросила: – Играем дальше?

– Играем, – рубанул Василий.

На этот раз он резко увеличил ставку – его стопка фишек уменьшилась на половину.

– Ещё! – Когда Василий вложил в ладонь вторую карту, то по его лицу пробежала радостная дрожь, у него было двадцать. – Себе, – сказал он мягко и даже стал тихо насвистывать.

– Не свистите – денег не будет, – предупредила девушка, Василий замолк. Что у вас?

– У меня ... двадцать.

– Понятно. – В ответ она стала набирать себе. Двадцать одно, – нежно объявила крупье. Казино выиграло.

– Ёлы-палы! – нервно выпалил Василий. Ставлю всё. Всё! – И он пододвинул к крупье оставшиеся фишки.

И снова две карты легли на стол.

– Ещё! – выкрикнул Василий, когда открыл туза. И тут к тузу он получил десятку. – Двадцать одно! Я выиграл! – закричал он радостно и с шлепком припечатал свои двадцать одно к крышке стола.

– Минуточку, – бархатным голоском пропела невозмутимая крупье. – Сейчас моя очередь. По правилам казино, если крупье наберёт столько же сколько и игрок, то казино остаётся в выигрыше.

– Правила мне известны, – прохрипел Василий и весь напрягся.

Девушка открыла свою карту, добавила к ней ещё одну, потом ещё... – Двадцать одно. Казино выиграло! – объявила крупье. А теперь, милый, – вдруг в её голосе появились металлические нотки. Кстати, крупье звали Леной и она являлась законной женой Василия. – А теперь, милый, – сказала Лена, жена Василия, – подведём итоги. Она сложила все выигранные фишки в кулачок, а затем по одной их стала метать на стол: – Эта фишка – мытьё посуды, эта – стирка белья, эта – готовка ужина, эта – поход в магазин, эта – вынос мусора, чистка ковра... Короче, ты проигрался в пух и прах, любимый, при чём на неделю вперёд. Не грусти, дорогой. Ты же сам придумал: играть в очко на домашние дела, вместо того, чтобы их просто поделить – тебе мужские, мне женские. Так что за дело, Василий!

Лена подмигнула мужу и в прекрасном настроении покинула кухню.

Через некоторое время он пришёл в себя и принялся за мытьё посуды.

«Ничего, – скобля сковородку думал Василий. Со следующей недели меняем очко на рулетку. Уж в неё мне точно повезёт.»

Артистка огородная

Деревня. Завалинка. Свидание молодых влюблённых.

- Здравствуй, Клава, девочка моя.
- Здравствуй, Коля. Спасибо тебе, конечно, за девочку но теперь я не только твоя.
- Не понял...
- А что тут не понятного. Теперь, Коля, я – народная.
- Опять не понял.
- Да что ты заладил: не понял – не понял! Артистка теперь я. Народная. Ты же сам прекрасно знаешь как я мечтала стать артисткой. И вот стала, при чём сразу – народной.
- Да как так-то?
- А вот так: съездила в город, в подземном переходе заказала себе корочку, меня сфотографировали, съездила второй раз, выкупила эту корочку. Ну, корочку, удостоверение, понял?
- Теперь понял. Покажи.
- На! Гляди!
- Так (читает). Удостоверение. Так. Народная артистка Риссии. Риссия – это что? Китай что-ли?
- Да это просто описка, Коля. Можно ведь подправить. Тихонько.
- Тихонько, говоришь. (читает дальше) Народная артистка Риссии Пулькина Клавдия Владимировна. Но ты же Васильевна, Клава!
- Да какая разница – какое отчество. Можно ведь подправить.
- Тихонько?
- Ага. Тих... онько. Зато фотография моя.
- Фотография-то твоя. Сколь отдала?
- Пят...
- ????
- Десять тыш.
- Десять тыш!!!
- Зато я теперь артистка. Народная.
- Ой-ли. Странная какая-то корочка... Клава! А ты обложку этой корочки внимательно разглядывала? Смотри на оттиск.
- Ну, смотрю – золотыми буквами: УДОСТОВЕРЕНИЕ.
- А ниже. Читай!
- УДОСТОВЕРЕНИЕ..НКВД...
- Ну ты и отчебучила... артистка. Подшутили над тобой. За твои же деньги.
- Ха! Так всё же правильно! НКВД – это значит Народная Клавдия Владимировна.
- Васильевна. А лучше так – Народная Клавдия Васильевна – дура!
- Ы-ы-ы!!! Лоханулась я, Коля-я-я!!!
- (обнимает её) Эх – ты, артистка моя... огородная, не плачь уж...

Почитатели Вуду

Этот студент и эта студентка – Владлен и Валерия – чё учудили. Они, почитатели Вуду, влюблённые друг в друга, однажды, поссорившись из-за какого-то пустяка, прокляли друг друга. Они сварганили куколок и стали их мучить иголками и прочей ерундой, наивно веря, что они этим самым мучают непосредственно друг друга. У него куколка получилась не очень. Слепил он её из пластилина, слепил на скорую руку. Куколка получилась безликой, со спичками вместо ручек, ножек и волос. И имя ей было дано – Валерьянка. Владлен, изготовив такого монстрика, тут же проткнул его спичкой. «Так тебе!» – рыкнул и швырнул Валерьянку в свой стол. Валерия шила Владурака (так она назвала свою куклу) всю ночь. И животик, и головку, и ручки, и ножки и... так далее она тщательно набила ватой. И глазки-то ему пришила, и и носик, и ротик, и... так далее. Всё из разного цвета материи. Молодец! Аккуратная девочка. Также аккуратненько она воткнула большую иглу во Владурака, рыкнув при этом: «Так тебе!» Затем она притулила бедную куклу к своим детским игрушкам, на полку. Шли дни. Как-то Владлен и Валерия попробовали помириться, но у них не заладилось. Вот тут-то и началось «настоящее Вуду».

В этот же день Владлен, психуя, перетянул шейку Валерьянке нитью и повесил ту над своей кроватью. Фашист! А она, Валерия, в этот день воткнула во Владурака аж дюжину маленьких, но острых иголок. И в глазки, и в носик, и в ротик. А «так далее» вообще оторвала с корнем. Садистка! Как говорится – от любви до ненависти один шаг. Короче, эти почитатели Вуду, возненавидели друг друга. И теперь, после каждой их невольной встречи (а они ведь учились в одном институте) с Валерьянкой и с Владураком происходило что-нибудь ужасное – у одной вспыхивали ручки и ножки, у другого отрывались глазки, у одной горели волосы, у другого добавлялись острые иголки. В общем, со временем некогда более-менее симпатичные куклы превратились в маленьких ёжиков-уродцев. Но... вдруг... с Валерией что-то произошло, она затосковала, ей стало жалко Владурака. Она взяла и пришила ему новое «так далее», нарядила его шапочкой и шарфиком. А иголки, которые она по-прежнему всё-таки втыкала в него, теперь были разноцветными, праздничными. Пожалел и Владлен Валерьянку – как-то он придумал ей паричок, отрезав локоны от белоснежной капроновой мочалки, потом он слепил из белого пластилина достойные ручки и ножки. Прилепил их к фигурке, а ножки обернул в юбочку, используя обёртку от шоколадной конфеты. И главное – он освободил шейку Валерьянки от нити. И вместо висения она теперь сидела на полированной спинке кровати, прислонившись к обоям. И вот однажды, не сговариваясь, в один и тот же день, в одно и то же время, Владлен и Валерия пришли на старое место их свиданий. К фонтану, дно которого сверкало монетками, или к памятнику Пушкина, возле которого сумасшедший поэт декламировал свои стихи, или к часам-цапле... Да важно ли это? Они встретились и протянули друг другу ёжиков-уродов и, ужаснувшись, рассмеялись. Она хохотала, держа на распятой ладони Валерьянку, он ржал, с любопытством вертя Владурака. Они помирились. А мне кажется – Вуду их и помирил.

В автобусе

Рейсовый автобус, битком набит пассажирами. Пожилая пара сидит где-то посередине салона.

Он: Ох и народу. Галюха, ох и народу.

Она: Хорошо, что мы на самой первой остановке сели.

Он: Слышь, Галюха, может мне уступить место вот той старушенции. Жаль её.

Она: А сам-то, не старик? Ладно, тебе виднее.

Он: Эй! Старушенция! Подгребай к нам, я тебе место уступлю (привстает).

Старушенция: Ой, спасибо, милочка. Ой, спасибо... Митя?!

Он: Таня?! (снова садится).

Старушенция: Митя!!

Он (смутившись перед женой): Галюня, это Таня: подруга детства, вместе в институте учились...

Она (смерив старушенцию нехорошим взглядом): Так вот ты какая – Таня. Это имя не раз я слыхала от своего муженька. Он, знаете ли, лю-ю-юбит во сне разговаривать.

Старушенция: Пойду я.

Она: Стоять!!! Ой, кожа да кости, горбик вон, клюка. Мить, глянь, у неё клюка. А ты, гад, во сне. И не только!

Он: Галюнь, когда это было.

Она: Ах-ты, старушка-одуванчик. Да я щас как дуну!

Старушенция: Люди! Выпустите меня! Я на ходу выйду!

Люди: Стоять!!! Нам интересно.

Она: А ну садись. А ты, Митя, потеряйся на время!

Люди: Х-а-а!!!

Она: Тихо там – всем! Ну как живёшь, Таня? Я же бывало с твоим именем и ложилась, и просыпалась и... Короче, ты мне как родственница была. Как живёшь, Таня?

Старушенция: На пенсию молюсь, Галя.

Она: И мы.

Старушенция: По-женски болею.

Она: И я.

Старушенция: Внуки задолбали.

Она: И нас.

Старушенция: Жизнь прожила – как будто и не жила.

Она: Мда. (кивнув на мужа, стоящего в толпе) Эх, а за что бились-то, Тань? За этого сморчка лысого? Пузатого, кривоногого, больного?

Старушенция: Ну, одно-то достоинство у него было.

Она: Вот именно – было...

Люди (ему): Батя! Выпить хочешь?!

Он: Наливай. Ей, трясёт.

Люди: Ну, чуть расступитесь, трясёт же!

Старушенция: Помириться бы.

Она: Да будь ты здорова!

Люди: Пей, батя, пей!

Она: О! Остановка наша! Ми-и-тя! Выходим!

Он: Я ехала домо-о-ой!

Кое-как выходят.

Счастливого вам пути!

Поза цапли, стоящей на одной ноге.

Правую, либо левую ногу, согнув в колене, вы поднимаете вверх параллельно полу. Затем, стопу, поднятой ноги, подошвой вы прижимаете к удобной вам ягодице. Прижимаете как можно крепче. Ещё крепче! Затем. Кисти рук вы прячете у себя под мышками. Теперь самое интересное. Находясь в такой позе, вы должны удерживать в клюве сумку весом от пяти и более килограммов. Удерживайте её до потери пульса.

Следующая поза – поза глухонемой, слепой обезьянки.

Молниеносно вы запрыгиваете на кого-либо, или на что-либо. Запрыгнув, вы должны цепко держаться за предмет, на который запрыгнули, ногами. А руками вы должны обхватить свою голову так, чтобы никого не слышать и никого не видеть. На тумаки не реагировать, ноги и руки не разжимать – терпеть до потери сознания.

И наконец третья поза – поза затравленного червячка.

Как можно сильнее втяните в себя живот, грудь и всё остальное. Затем прилипните к любой вертикально стоящей поверхности и ползите к потолку. Ползите. Я сказал, ползите! На потолке замрите. Замерев, затравленно поглядывайте по сторонам. Попытайтесь слиться с потолком, пусть останутся одни затравленные глаза. Терпеть до потери зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.